

UDK: 331.526.8-054.72(47)
Izvorni znanstveni rad
Priljeno: 20. 04. 2006.
Prihvaćeno: 25. 04. 2006.

ЛЕВ ПЕРЕПЕЛКИН, ВЛАДИСЛАВ СТЕЛЬМАХ

Российский институт культурологии Министерства культуры Российской Федерации, Москва
ons@naukaran.ru

Испытание неформальной трудовой миграцией: российские реалии

РЕЗЮМЕ

Современное российское общество подвержено воздействию фактора «неформальной занятости нерезидентов»: гражданской по содержанию производительной деятельности, которая осуществляется без юридического оформления согласно российским правилам регулирования труда иностранцев. Специфика этого феномена применительно к России состоит в том, что в страну вливается многомиллионный людской поток граждан стран СНГ трудоспособного возраста, вполне законно въезжающих в РФ с целью неофициального трудоустройства в теневом или полуправовом секторе экономики. В статье предпринята попытка балансной оценки данного явления. Показано, что с одной стороны, появление в 1990-е гг. из-за рубежа значительных групп экономически активного населения, используемого затем на престижной работе (строительство, ремонт дорог, торговля с лотков и пр.) позволило решить проблему дефицита ряда услуг и насытить потребителей основными товарами. Однако, с другой стороны, негативный социальный резонанс теневой занятости значительно превосходит сиюминутные выгоды от использования труда «гастарбайтеров» с постсоветского пространства. Перманентная «подпитка» рынка труда данным контингентом способствовала и продолжает способствовать не только деградации трудовых отношений в России, но и эрозии общественной морали: девальвации позитивных ценностей, возобладанию в настроениях россиян цинического прагматизма и правового нигилизма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Россия, трудовые миграции, «теневая» занятость, нечестная трудовая практика, деградация рынка рабочей силы, миграционная политика

Мифология и реальность «великого постсоветского переселения народов»

Начнем с терминологических разъяснений. Объект нашего исследования – воздействие на российский социум *неформальной занятости нерезидентов*: гражданской по содержанию производительной деятельности, которая осуществляется без юридического оформления согласно российским правилам регулирования труда иностранцев. Мы решили не использовать устоявшиеся термины *нелегаль-*

ная иммиграция и нелегальная трудовая миграция, поскольку они не отражают нынешнюю российскую реальность во всей полноте: оба эти понятия связаны с незаконным въездом – проникновением на территорию России иностранцев вопреки действующему миграционному законодательству (по поддельным въездным документам, вообще без них и т.п.). Хотя подобного рода нарушения порядка прибытия в нашу страну достаточно распространенное явление,¹ миграционные коллизии только этим не исчерпываются. «Классической» нелегальной иммиграции сопутствует превосходящий ее в разы людской поток из ближнего зарубежья: граждан стран СНГ, вполне законно въезжающих в РФ с целью неофициального трудоустройства в теневом или полуправовом секторе экономики. Данную категорию приезжих с двойственным статусом, отличающим их от настоящих нелегалов, беженцев, репатриантов и подлинной экономической иммиграции (планового восполнения дефицита рабочей силы за счет привлечения иностранцев), мы будем именовать *неформальной трудовой миграцией*. Естественно, предложенный нами термин – это аналитический конструкт, не совпадающий с принятым в международной практике понятием *нелегальная трудовая деятельность*, и потому не претендующий на универсальность. Аналогичным образом, понятие *полуправовая экономика* (производство обычных товаров и услуг, выходящее за пределы закона исключительно из-за используемых средств: уклонение от налогов, предпринимательство без патента или лицензии, трудовой найм без оформления) – уже, чем устоявшийся термин «теневая экономика». Последняя включает в себя также и *криминальный бизнес* (торговля наркотиками и оружием, контрабанда, проституция, рэкет и пр.) и *явно незаконное предпринимательство* (браконьерство, добыча лекарственных растений и лесозаготовки в природоохранных зонах и т.п.). Наконец, отметим, что неформальная занятость россиян – отдельная исследовательская тема.

* * *

Вторая половина XX в. – эпоха не только масштабных и массовых, но и постоянных перемещений людей с Юга на Север, из «третьего» мира в «первый» – с периферии в центры наиболее высокого и качественного уровня жизни. По данным ООН с 1975 г. число мигрантов в мире удвоилось, достигнув примерно 175 млн чел. В результате каждый десятый житель стан так называемого совокупного Запада ныне – мигрант, а перманентность людских потоков позволяет говорить о существовании стран-реципиентов, стран-доноров и стран, одновременно выступающих в обеих этих ипостасях (Потемкин, 2002; Лундестада, 2002; Шишков, 2003).

В советский период подобные вещи затрагивали Россию в минимальной степени, поскольку миграции тогда, во-первых, были сугубо внутренними, а, во-вторых, плановыми. Не говоря уже о том что, их вектор, абстрагируясь от особого случая с союзными республиками Прибалтики, с определенной долей условности

¹ В настоящее время по экспертным оценкам в России незаконно находится до 1,5 млн чел. из примерно из 40 стран мира (Афганистана, Ирака, Анголы, Нигерии, Судана, Эфиопии, Сомали, Шри-Ланки, Бангладеш, Индии и др.) (Гликин, 2002а).

был прямо противоположен мировому: посредством оргнабора или лимита жители «центра» – преимущественно славянских территорий направлялись на экономическое освоение периферии – Сибири, Дальнего Востока, Закавказских и Среднеазиатских республик. Распад Советского Союза коренным образом изменил такую ситуацию. Открытие границ нашей страны вело ее в глобальный миграционный контекст, и за истекшее двадцатилетие РФ в силу особенностей своего нынешнего положения прочно «закрепилась» среди государств, одновременно отдающих (в меньшей степени) и принимающих (в большей степени) мигрантов. Причины «великого постсоветского переселения народов» хорошо известны: более высокий, по сравнению с другими частями СНГ, уровень жизни в России; «освоенность» российского социально-культурного пространства бывшими гражданами СССР; традиционные связи нашей страны с некоторыми государствами дальнего зарубежья (Вьетнам, Афганистан); вооруженные конфликты на периферии бывшей советской территории; необустроенность границ РФ после падения «железного занавеса», – эти и многие другие обстоятельства способствовали резкому усилению миграционной подвижности на пространствах канувшего в Лету Советского Союза.

Определение роли фактора неформальной трудовой миграции в жизни российского социума, на наш взгляд, невозможно без «фильтрации» сложившихся вокруг всего этого феномена стереотипов и мифов, как правило, уводящих от сути вещей. Возьмем для примера такой болезненный для российской общественности вопрос, как численность тружеников-нерезидентов. Мнения экспертов об этом варьируются в пределах от 1 до 15–17 млн чел.! (Корня, 2002; Чернов, 2002). По оценкам же Федеральной миграционной службы (ФМС) на 2006 г. в России на не вполне легальной основе работало порядка 10 млн чел.; из этого количества 1 млн чел. приходилось на столичный регион. Подобного рода разброс данных говорит об отсутствии общепризнанных, сопоставимых друг с другом методик социологического изучения неформальной занятости, и данное обстоятельство в принципе признается специалистами (Синявская, 2005: 15). В этой связи мы принципиально воздерживаемся от дискуссий на сей предмет, от попыток опровергнуть/подтвердить официальную статистику, от деконструкции устрашающего мифа о «мириадах чужаков, заполонивших страну» и пр., поскольку считаем, что споры относительно количественных масштабов рассматриваемого явления при всей своей важности уводят от главного – качественной его оценки. Так, в контексте изучения численности нерезидентов в России куда более важным для нас представляется факт, что основная их часть прочно осела в «тени»: по данным ФМС в нашей стране получило разрешение работать только 530 тыс. трудовых мигрантов.² Простейший расчет показывает, что число трудоустроившихся неформально иностранцев превосходит официально фиксируемые показатели их занятости в десятки раз.

² В дальнейшем мы намерены в аналогичных случаях оперировать в основном данными (оценками) соответствующих государственных инстанций (ФМС, МВД, Федеральной налоговой службы и т.п.), опубликованных в центральных СМИ, вывешенных на официальных сайтах и пр. Причина тому – их большая, в сравнении с альтернативной статистикой, «прозрачность», по крайней мере, в методическом аспекте.

Не только в ряде печатных СМИ, но среди научного и экспертного сообщества в отношении нерезидентов, находящихся на территории нашей страны, распространились несколько тесно переплетенных между собой клишированных представлений. Так, считается, что большинством этих людей движет желание остаться в нашей стране навсегда, став ее добропорядочными гражданами, а ущербном правовом статусе мигрантов виноваты исключительно соответствующие российские законы, препятствующие легализации и натурализации приезжих.

Первый из этих стереотипов восходит, на наш взгляд, к односторонней интерпретации отдельных позиций социологических опросов и баз данных. Они действительно, демонстрируют, что, во-первых, по числу людей, желающих стать ее гражданами, РФ ныне входит в шестерку стран-лидеров (*Гражданства России на всех не хватит*, 2002). Во-вторых, достаточно большое количество иммигрантов стремится получить в ней официальный гражданский статус (см. Таблицу 1).

Таблица 1: Самооценка иммигрантами перспектив их пребывания в России

Позиция	%
Получить российское гражданство	48,6
Поработать 1–2 года и вернуться на родину	29,1
Заработать денег и сразу же вернуться домой	5,7
Выехать в другую страну	6,0
Не определились	10,6

Источник: Институт социологии РАН, 2006

Такие результаты, конечно же, говорят о желании опрошенных обрести более устойчивое и безопасное положение при пребывании в РФ, гарантировать себя от произвола милиции и т.п. Но означает ли это наличие у них твердой установки на адаптацию к стране приезда, или интеграцию в российское общество? К слову, наши собственные интервью с членами строительно-ремонтных бригад с Украины, проведенные 2001–2002 гг., свидетельствуют, скорее, об обратном. Даже для русскоязычных украинцев из восточной и южных областей перспектива переселения и натурализации в РФ выглядела весьма сомнительной. Такая позиция мотивировалась приблизительно следующей аргументацией: объективные и субъективные (получение российского вида на постоянное жительство) трудности, возникающие на «российском направлении» эмиграции, мало чем уступают по затратам сил и времени переезду в США, Австралию или Канаду. А стоимость дороги за океан с лихвой компенсируется условиями жизни и уровнем оплаты труда в упомянутых странах.

Полученная нами полевая информация коррелируется с результатами ряда социологических исследований, которые четко показывают: для жителей ближнего (да и дальнего) зарубежья приезд в Россию зачастую мотивирован относительно простотой пересечения границы и большими, по сравнению с государствами Евросоюза или ОЭСР, возможностями неофициального трудоустройства. В ситуации с гражданами СНГ данное обстоятельство вкупе с территориальной

близостью их родных стран превращает их пребывание у нас в маятниковую трудовую миграцию. Средний срок неофициальной работы таких приезжих составляет у мужчин – 3,3 года, у женщин – менее 2,6 лет (Кириллова, 1998: 83; *Миграция населения*, 2001: 127).

Вне сомнения, в свете сказанного нуждается в уточнении и второй стереотип – «презумпция виновности российского миграционного законодательства». Споры нет, оно – крайне несовершенно, поскольку плодит нарушителей закона среди всех, без исключения, категорий приезжих. Не углубляясь в доскональный анализ соответствующих правил и положений, выделим наиболее общие их издержки:

- *Дискриминационный подход к собственным гражданам.* До самого последнего времени пресловутая обязательная, ограниченная тремя сутками регистрация по месту прибытия граждан РФ уподобляла их мигрантам. Подобный порядок в отношении резидентов – нонсенс, тем не менее, *de jure* такие люди (например, русские, приезжающие на сезонные работы в Московскую область из соседних с ней регионов) частично подпадали под определение нелегала. «Либеральные» же новеллы администрации В. Путина, введенные в декабре 2004 г. с целью воздействия на электоральный процесс в Украине, лишь увеличили россиянам срок их свободного пребывания на «чужой» территории до 90 дней, не затрагивая сути законодательства – разрешительного характера регистрационных установлений.

- *Недостаточная проработка ситуаций в случаях с людьми, чье пребывание на территории России перестало отвечать первоначальной цели приезда.* Из-за этого в двусмысленном положении пребывают у нас ядро некоторых групп иммигрантов из Дальнего Зарубежья, например, афганцев или вьетнамцев. Обе они попали к нам в советское время абсолютно легально, однако изменение политической ситуации превратило первых, по сути, в политических эмигрантов, а вторых – в лиц с давним-давно просроченными визами. Многие из этих людей обустроились в России, обзавелись семьями и нередко детьми, адаптировались к местным условиям, но с точки зрения нынешних законов они живут в нашей стране незаконно, поскольку новый их статус соответствующим образом не подтвержден.

- *Бюрократизованность иммиграционных процедур.* По существующим правилам, любой иностранец должен в трехдневный срок зарегистрироваться по месту прибытия. Ему необходимо также приобрести дающую право на работу карточку мигранта, уплатив за это определенную пошлину и представив в государственные органы не менее 6 различных документов (к слову, от фирмы, рекрутирующей зарубежную рабочую силу, ФМС требует до 15 различных документов). Сумма сборов, взимаемых при этом с физического лица, составляет около 100 \$US; все эти процедуры в реальном времени, по признанию работников столичного Управления по делам миграции, не трое суток, но 145 дней. И неудивительно, что «услуга» по ускорению легального процесса оформления необходимых разрешений на пребывание и работу в России на черном рынке стоит примерно еще 100–150 \$US (Гликин, 2002b; Волошина, 2003: 9; Гранина, 2005: 13). При таком положении дел многие мигранты, легально въехавшие в страну, автоматически переходят в режим незаконного в ней пребывания.

Впрочем, определенная часть приезжих из стран СНГ, прибывших в Россию на ограниченный срок с целью подзаработать по найму или что-либо продать, из сугубо меркантильных соображений не стремятся получить официальную регистрацию, дающую ее обладателю возможность трудиться на законных основаниях. Для таких мигрантов неофициальное трудоустройство, а тем более мелкий бизнес без уплаты налогов – приемлемый и выгодный вариант, позволяющий сэкономить не только время, но и деньги. Сотрудники МВД на условиях анонимности объяснили нам, что поборы, взимаемые коррумпированными должностными лицами с таких частично добровольных – частично вынужденных нелегалов, давно «тарифицированы» и суммарно не превышают 60% соответствующих официальных пошлин и сборов.

В связи с этим нельзя не коснуться проблем взаимосвязи неформальной иммиграции и криминала. Часть экспертного сообщества России придерживается мнения, что мигранты – чуть ли не «самая законопослушная часть населения». Имеется и противоположная точка зрения: они представляют слой, в котором в большом количестве творятся уголовные преступления (Федоров, 2002; Устюгов, 2002). Оставив в стороне факт, что экономическая активность этих людей в «тени» по своей сути – ничто иное, как административно-правовое нарушение, укажем на общеизвестное обстоятельство: по данным ГУВД г. Москвы более 45% насильственных преступлений в городе совершается именно нерезидентами. По числу совершенных преступлений в столице (до 70%) лидируют украинцы, молдаване, выходцы из Азербайджана и Таджикистана. Запутанность же в интерпретацию такой реальности вносит подмена понятий. Криминальная активность нерезидентов зачастую связывается не с первопричиной – с ущербностью их статуса в принимающем социуме, а с их этничностью. Так что попытки статистики подтвердить некую имманентно преступную сущность иммигрантов-этников, равно как и доказать, что «это – очередной милицейский миф» (Целмс, 2004: 29), бессмысленны. Противоправное деяние само по себе не имеет этнических характеристик, но этничность при складывании преступных сообществ, напротив, может выступать как мощный мобилизационный и организующий фактор.

И, наконец, стоит конкретизировать информацию об основных направлениях перемещения иммигрантов по России. Как ни странно, но и такой достаточно ясный вопрос зачастую преподносится недостаточно корректно, так как миграционная привлекательность тех или иных частей России по преимуществу связывается дефицитом там трудовых ресурсов. В действительности же упомянутая характеристика территории в немалой степени зависит и от развития ее социально-культурной инфраструктуры или климатических условий. Приняв во внимание это обстоятельство, становится ясным, почему центрами стягивания иммигрантов становятся *трудоизбыточные* регионы РФ: мегаполисы или городские агломерации: Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Нижний Новгород, Самара, Хабаровск, Благовещенск и т.п., а также Ставропольский и Краснодарский край, но никак не *страдающие от депопуляции и испытывающие потребность в людях в трудовом возрасте* регионы российского Нечерноземья. Справедливости ради в подобном контексте необходимо дезавуировать обывательский миф, что

нерезиденты, якобы, перегружают социальную инфраструктуру страны. Подобные вещи у нас невозможны: подключение к системе социального обеспечения и гарантий происходит только через легальный сектор экономики. А расчеты специалистов свидетельствуют, что даже нагрузка на региональные транспортные сети возрастает не сильно, ибо труженики полуправовой экономики обычно маломобильны (Нарышкина, 2003: 12).

Сложившийся характер трудовой миграции в постсоветскую Россию, осуществляющейся главным образом за счет маятниковых перемещений потенциальных работников полуправового сектора экономики, делает оценку этого явления крайне актуальной. Надо сказать, что разброс мнений здесь столь же широк, как и разнороден в цифрах о численности иммигрантов, варьируясь от ультрамодернизационных подходов до крайностей неотрадиционализма. В первом случае эксперты видят в иммиграции единственную для нашей страны «палочку-выручалочку», только благодаря которой в условиях естественной убыли основного населения сохраняется неизменной его численность и тем самым обеспечивается необходимое для экономического роста количество рабочих рук (Вишневский, 2001: 142; Зайончковская, 2002, 2003; Графова, 2006). Их оппоненты придерживаются диаметрально противоположной точки зрения. Они убеждены, что появление у нас большого числа нерезидентов, несет немало угроз безопасности российского общества. Самая малая из них – рост этнической преступности. Самая серьезная – развитие социума приобретает нерегулируемый характер вследствие включения в него групп людей, далеко не всегда совместимых с его ядром в этническом, конфессиональном и культурологическом плане. И это «приведет к распаду страны еще быстрее, чем демографические проблемы» (Савельев, 2005). Существуют и более взвешенные взгляды на эту проблему, сводящиеся к утверждению, что в XXI в. реальный выбор для России состоит не в том, быть или не быть иммиграции, а в ее характере – легальном, плановом или стихийном, нелегальном. В первом случае страна приобретает дополнительные перспективы, а во втором – наоборот, столкнется с серьезными трудностями. Поэтому власти должны взять на себя инициативу проведения иммиграционной политики (Гайдар, 2005: раздел 4).

На наш взгляд, парадоксальность ситуации, когда любая из приведенных оценок в равной мере справедлива и несправедлива, связана с характерной особенностью нынешней российской общественной мысли – отсутствием в ней «балансового подхода». Это в итоге оборачивается узкоспециальными экспертизами многогранного и многоуровневого феномена иммиграции, самые объективные из которых сводятся к подсчету ее выгод/издержек в одних сферах, без оценки потерь в других. Попытаемся же далее проанализировать интересующее нас явление – занятость в полуправовом секторе по «гамбургскому счету» – комплексно и многопланово, сопоставляя по возможности самые различные его аспекты, связь между которыми может быть опосредованной и не всегда явной, или же намеренно игнорируемой.

Под прессом неформальной занятости нерезидентов

Начнем с вопроса, который хотя и не касается напрямую темы нашей работы, но присутствует в ней подспудно – *неблагополучная демографическая ситуа-*

ция в России и иммиграция. При кажущейся очевидности ситуация тут нуждается в уточнениях. Обработанные данные переписи 2002 г., показывают, что темпы депопуляции РФ в истекшем двадцатилетии, муссировавшиеся политиками коммунистического и националистического толка оказались не столь уж удручающими (см. Таблицу 2).

Таблица 2: Динамика численности населения России, 1990–2003 гг.

	1990	1995	1996	1997	1998
Численность населения (млн. чел)	148,1	147,6	147,1	146,7	146,3
Прирост за год (%)	0,3	-0,2	-0,3	-0,3	-0,3
Коэффициент миграционного прироста (на 10 тыс. чел. населения)	11	34	23	24	19
	1999	2000	2001	2002	2003
Численность населения (млн. чел)	145,5	144,8	143,9	145,1	144,1
Прирост за год (%)	-0,5	-0,5	-0,6	-0,6	-0,5
Коэффициент миграционного прироста (на 10 тыс. чел. населения)	11	15	5	5	6

Источник: Регионы России, 2005

Из Таблицы 2 также явствует, что тенденция уменьшения численности населения России гасилась и иммиграционным его приростом, и роль и масштаб именно этого фактора – вопрос, который предстоит уточнять по мере окончательной обработки данных последней российской переписи. Однако куда серьезнее другой вопрос, насколько допустим сам способ решения демографических проблем страны за счет иммиграции?

Если брать общественное мнение, то на это согласны только 19% россиян (однозначно против – 46%) (ВЦИОМ, 2005а). В настоящее время стало признаком «хорошего тона» трактовать подобного рода настроения как проявление ксенофобии русского большинства, его нерыночной ментальности и т.п., – словом, сводить проблему к субъективному фактору мироощущения респондентов, якобы, отторгающих новые экономические реальности. В этой связи даже предлагается, чтобы органы государственной миграционной политики обеспечивали приток мигрантов в Россию, по сути, игнорируя мнение основной части общества (Тишков, 2005). Как-то неловко в этом контексте напоминать, что основное население России – это не аморфная масса ретроградов, из которой «продвинутые» политики вправе лепить, что им угодно. Россияне – не абстрактный неодушевленный ресурс, наподобие энергосырья, недостаток которого компенсируется импортом, но граждане своей страны, с чьими мнениями и даже сомнениями надлежит считаться. Впрочем, куда важнее указать на объективные риски наращивания численности населения поощрением иммиграции. С учетом доминирующего вектора миграционных перемещений, государство, вставшее на этот

путь, сталкивается с опасностью роста численности неассимилируемых этнических групп, чьи культурные ценности и приоритеты несовместимы или почти несовместимы с культурой принимающей страны. Подобный путь чреват обострением конфликтности, и события осени 2005 г. во Франции – наглядное тому подтверждение.³

Нашими многочисленными коллегами и нами подробно анализировалась проблема взаимосвязи миграции и этнофобий (Малькова, 2001; Стельмах, 2001; Титов, 2003; Перепелкин и Стельмах, 2003; Паин, 2003, 2005). Но на одном ее аспекте здесь все же уместно остановиться. Речь идет о социетальной угрозе,⁴ которую несет российскому обществу иммиграция в нынешнем своем виде (безотносительно ее шлейфа – неформальной занятости в полуправовой экономике): реальном и потенциальном ущербе, наносимому социуму-реципиенту наплывом неблагоприятных приезжих, то есть перспективе «разрушения» привычной социальной и этнокультурной среды; усугубления экологической ситуации; «экспорте» терроризма и этнических конфликтов из регионов «исхода»; эрозии системы приоритетов и ценностей, накопленных общностью-реципиентом и т.п. Социологические исследования, проведенные за год до парижских событий, четко зафиксировали аналогичную структуру опасений рядовых граждан относительно мигрантов. Россиян тревожит не только и не столько экономические проблемы, как конкуренция на рынке труда, избыточная нагрузка на городскую инфраструктуру и т.п., сколько этнопсихологический резонанс миграций. Так лишь 7% респондентов беспокоит то, что этнические мигранты отнимают рабочие места у местного населения, и всего 2% – что они контролируют определенные сферы бизнеса. Тогда как 10% – их нежелание считаться с обычаями и нормами большинства и учить русский язык; 6% – специфика их культуры обыденного поведения; 11% опрошенных связывают этническую миграцию с угрозой распространения терроризма; наконец, 7% основного населения раздражает внешность и черты характера приезжих (ВЦИОМ, 2004). Оставив на совести крайних ксенофобов их предрассудки, приходится констатировать: поощрение иммиграции без программы аккультурации приезжих может обернуться для страны-реципиента серьезными конфликтами. Все это говорит о том, насколько осторожно следует относиться к самим идеям восполнения естественной убыли населения России за счет этого источника.

Но возвратимся к нашей непосредственной теме – неформальной трудовой миграции, точнее, к ее *экономическому резонансу*. Среди столичной экспертной «тусовки» бытует, к примеру, мнение, что исключительно благодаря этой категории работников «Москва стала такой, какая она есть». На наш взгляд, этот подход – яркий образец одномерной экспертизы, основанный исключительно на вуль-

³ Интересно, что согласно данным опросов 79% москвичей и столько же Санкт-петербуржцев верят в возможность того, что в их городах могут произойти беспорядки, аналогичные произошедшим в Париже осенью 2005 г. (ВЦИОМ, 2005b).

⁴ О диапазонах применения понятия «социетальная (societal) угроза» см. во Введении к *Rethinking security in Post-Cold War Europe* (Park и Rees, 1998).

гарно понимаемых финансовых категориях и конъюнктурных расчетах. Полемицировать с подобной позицией непродуктивно, а вот попытаться комплексно рассмотреть весь диапазон использования трудовых мигрантов – необходимо.

Принято считать, что использование иностранных рабочих содействует хозяйственному развитию стран-реципиентов, помогая многим из них совершить «экономическое чудо» (Старченков, 1997: 80). Для подкрепления этого постулата обычно апеллируют к послевоенному опыту стран ЕЭС, особенно, Германии, вклад турецких гастарбайтеров в экономику которой был особенно заметен. Нам, однако, представляется, что данное утверждение в основе справедливое давно уже требует более рациональной, выходящей за рамки чисто стоимостных категорий оценки. Прежде всего, опыт европейских государств, где уровень исполняемости законов, несомненно, более высок, чем в нашей стране, свидетельствует: даже если иммиграция осуществляется преимущественно легальным путем, она стимулирует, прежде всего, рост теневого сектора экономики. К концу 1990-х гг. доля производства в нем в ряде государств ОЭСР – Испании, Португалии, Греции, Италии и Бельгии составляла порядка 22–30% от их ВВП. Кроме того, в постиндустриальном обществе основной рост ВВП происходил в наукоемких, техногенных отраслях, а массовые же миграции приводили и приводят на рынки труда развитых стран людей с квалификацией невысокой и средней. Конечно, неквалифицированный труд (конвейерная сборка, сервисные услуги, розничная торговля, уборка мусора и т.п.) играют в жизни современного социума важную роль. Однако видеть причины нынешнего процветания упомянутых стран в привлечении мигрантов из «третьего мира» к непрестижным видам работ, как бы умаляя при этом заслуги их основного населения, обеспечившего старт экономического подъема – абсолютно несправедливо.

Далее, непродуктивно механически проецировать подобную схему на Россию, поскольку ситуация в нашей стране в постсоветский период была *типологически другой*. Огромное количество политических, экономических и, главное, социальных издержек без сомнения позитивного по своему содержанию процесса демократизации на длительное время определило неблагоприятные тенденции развития национального хозяйства нашей страны. Одной из них стал отъезд на Запад наиболее квалифицированных работников – «утечка мозгов», масштабы которой уже сейчас бросают вызов перспективам развития нашей экономики. Правда, в количественном плане эмиграционный отток рабочей силы в разы покрывался иммиграционным ее притоком, чего, однако, нельзя сказать о качественном соотношении названных перемещений. Конечно, не следует отрицать, что иммиграция принесла гражданам РФ некий позитив. Появление в 1990-е гг. из-за рубежа значительных групп экономически активного населения, используемого затем на тяжелой, непрестижной работе (строительство помещений, ремонт дорог, торговля с лотков и пр.), позволило решить проблему дефицита ряда услуг, насытить потребителей основными товарами. В той же Москве тружениками полуправового сектора было воздвигнуто несколько престижных жилых и развлекательных комплексов (насколько качество строительства соответствует элитному – другой вопрос). Вероятно, специалисты соответствующей квалификации

легко подсчитают (будем надеяться, с поправкой на качество) стоимость всего этого, но куда сложнее и важнее определить, в какой мере этот «прибыток» компенсирует ущерб от упущенной выгоды, нанесенный экономике России таким миграционным сальдо?⁵

Впрочем, занятость нерезидентов в «теневом секторе», где в 2000-е гг., по оценкам первого заместителя председателя Госкомстата РФ А. Суринова, производилось 22,5–25% российского ВВП, оборачивается для страны и прямыми потерями. Хотя этот показатель даже ниже, чем в переходных экономиках стран Центральной и Восточной Европы, российское общество, вероятно, сталкивается тут с куда большими экономическими издержками, чем бывшие члены социалистического содружества. Ибо к обычной в такой ситуации неуплате налогов в секторах экономики, обслуживаемой нерезидентами (по оценке директора ФМС К. Ромодановского она лишает страну ежегодно порядка 200 млрд руб., то есть около 7,7 млрд \$US), следует добавить вывоз ими из России наличных денежных средств. По понятным причинам верифицированная информация о нем отсутствует: «гастарбайтеры» во многих случаях увозят заработанную наличность в собственных карманах. Но даже «видимая» часть этого денежного потока впечатляет: по данным Центробанка РФ физические лица отправляют за рубеж (через платежные системы, экспресс- и обычную почту) более 1 млрд. \$US ежегодно! Сказанное, конечно же, не означает, что граждане России являют собой в этом плане образец законопослушания: частичное сокрытие доходов у нас – «общенациональная идея», однако, важно отметить, что налогов от неформальной трудовой и предпринимательской активности нерезидентов в казну *не поступает вообще*. В этом смысле бюджетное недофинансирование федеральных и региональных социальных программ во многом лежит на совести данной категории работников.

Что же касается ситуации с созданием теневым и полуправовым бизнесом иностранцев рабочих мест для россиян, то данный вопрос относится вообще не к компетенции науки, но правоохранительных инстанций. Посредством этого происходит разве что втягивание населения страны в полупреступную деятельность (иногда в масштабе локусов, как происходит, скажем, в дальневосточных субъектах РФ) (Калачинский, 2004). Дискутировать здесь можно лишь о причинах устойчивости подобной социальной девиации, но никак не о, якобы, позитивном социальном аспекте подобного состояния дел.

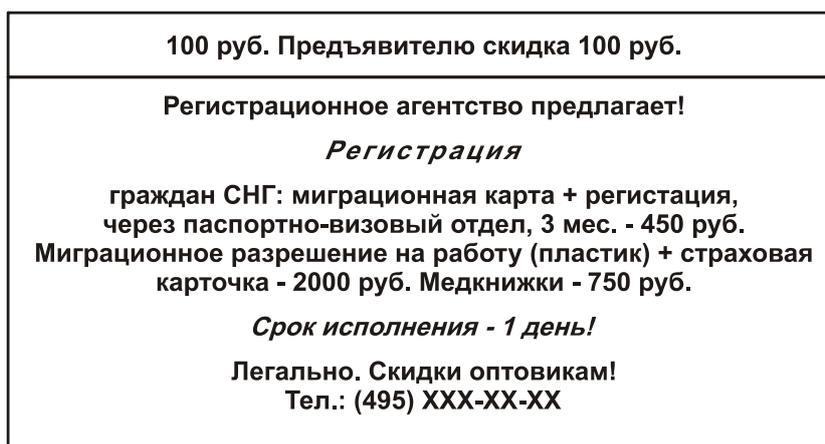
Наконец, необходимо обратить внимание и на возникающий на стыке экономики и социальной сферы ущерб от особого рода полулегальной «индустрии»

⁵ Аналогичным образом не следует переоценивать значение контролируемых нерезидентами мелкооптовых вещевых и продовольственных рынков в деле снабжения россиян соответствующими товарами. Сыграв в первой половине 1990-х гг. определенную позитивную роль, эти заведения давно превратились в антипод цивилизованной торговли, в «анклавы», где не действует российский закон о правах потребителей. А их живучесть – лишь свидетельство социально-экономической деградации различных социальных групп россиян: работников бюджетных отраслей, пенсионеров, многодетных и т.п., не всегда имеющих возможности пользоваться даже супермаркетами эконом-класса.

теневой поддержки неформатной трудовой миграции. Эта, по понятным причинам малоизвестная большинству россиян отрасль, за прошедшие двадцать лет в нашей стране пребывает в состоянии бума. Фальшивые рекрутинговые агентства или туристские фирмы, содействующие пересечению границ РФ (или миграционному транзиту на Запад), заполнили соответствующий рынок. Газета бесплатных объявлений *Из рук в руки* переполнена рекламой об оказании «помощи в получении миграционного разрешения на работу в Москве и области» притом «без предоплаты» и с «бесплатными консультациями». Вагоны метро оклеены объявлениями-купонами фирм, оформляющих поддельную регистрацию, медицинские книжки, разрешения на трудоустройство, а с недавних пор и пластиковые миграционные карты. Представление о стоимости этих «услуг» и оперативности их исполнения дает образец подобной рекламы, приведенный на Рисунке 1.

Второе рождение обрел институт фиктивного брака, прекрасно знакомый не только старшему, но и среднему поколению жителей Москвы, Ленинграда и некоторых столиц бывших союзных республик. Но пока, это – по имеющимся исследованиям, не очень распространенный способ легализации нерезидента, возможно, по причине его высокой стоимости – 2000 \$US в провинции и 3000 \$US в Москве (Дятлова, 2001: 32).

Рисунок 1: Типичное объявление-купон для мигрантов, расклеиваемое в муниципальном транспорте Москвы

На наш взгляд, отрицательный резонанс этой менее тяжелой, не сопряженной с насилием сферы теневого предпринимательства превосходит наносимый им обществу финансовый ущерб. Ибо такого рода вещи куда более чем откровенный криминал способствуют *эрозии общественной морали*: девальвации позитивных ценностей, смещению акцентов в бинарных оппозициях нравственности («хорошо – плохо», «порядочно – беспорядочно», «честно – нечестно»), возобладанию в настроениях людей цинического прагматизма и правового нигилизма.

Это вводит нас в более широкий контекст *социальных последствий* неформальной занятости. Сразу же оговоримся, что мы не будем касаться здесь разработанных на исследовательском и экспертном уровне коррупционных сюжетов: «подпитке» нерезидентами коррупции российских официальных структур, наиболее тесно с ними соприкасающихся (миграционная служба, милиция, паспортные столы и т.д.); разложении наших государственных инстанций, провоцирующем и стимулирующем противоправное поведение иммигрантов и т.д. (Сатаров, 2002: 21–23). Укажем лишь на то, что благодаря всему этому создается и удобный канал инфильтрации в Россию террористов, исламских радикалов иных нежелательных иностранцев, и перейдем к менее очевидным и изученным сторонам воздействия полуправового сектора на жизнь российского общества, в частности, на *трудовые отношения*.

К сожалению, когда речь заходит о подобных вещах, подавляющее большинство специалистов рассматривает коллизии, связанные с выходом на рынок труда нерезидентов, исключительно в категориях экономической целесообразности, проводя недостаточно корректные аналогии со странами Запада. Коль скоро «у нас», как и «у них», безработица носит структурный характер (предпочтения потенциальных тружеников относительно различных видов занятости не совпадают с потребностями работодателей), а число вакансий значительно превышает число рабочих мест, *a priori* утверждается следующее. «Наши» иммигранты выполняют важную социальную функцию, компенсируя дефицит рабочей силы в маргинальных отраслях, которых граждане России чужаются. Одновременно подразумевается, что, как и в государствах ЕЭС, такая ситуация на рынке труда будет сохраняться. На этом постулате строятся и наиболее осторожные, и самые смелые прогнозы о потребности нашей страны в гастарбайтерах на ближайшие десятилетия, количественный разброс которых варьируется в пределах от 6–7 до 35 млн чел. (Моисеенко, Переведринцев и Воронина, 1999: 39; Вишневский, 2001: 142; Ильичев, 2003: 1).

С точки зрения статистики занятости и ее прогнозирования (естественно, при сохранении отмеченной тенденции) такой подход справедлив: иммигранты, заполнив на рынке труда определенную нишу, обеспечили в начале переходного периода и частично продолжают обеспечивать ныне бесперебойное функционирование таких отраслей нашей экономики, как строительство, ремонт, коммунальное хозяйство, муниципальный транспорт, розничная торговля и пр. Но, по нашему мнению, на этом их позитивная социальная миссия исчерпывается. Более того, по прошествии двадцати лет после начала российских реформ можно говорить о том, что издержки от участия нерезидентов в рынке труда становятся все более и более ощутимыми.

Прежде всего, неофициальная занятость иностранцев заметно усугубила процесс деградации культуры трудовых отношений в нашей стране. И дело здесь не только и не столько в общеизвестном факте, что нерезиденты консервируют низкий уровень заработной платы в тех секторах, где они доминируют (*Открытый форум МОМ*, 2001: 7–8). Основной «грех» иммигрантов не только и не столько сбивание величины зарплаток или же, как утверждают некоторые СМИ, перехват

клиентуры – люди, обращающиеся к ним за услугами и низкосортными товарами, при нынешнем уровне своего достатка не в состоянии пользоваться преимуществами «белого» сектора рынка. Что, действительно, плохо – приезжие из менее благополучных, по сравнению с Россией, стран способствуют консервации нецивилизованных, отвратительных условий и форм труда в целых отраслях, будь то транспорт, строительство или реконструкция помещений. Эти виды деятельности, в большинстве государств ОЭСР не считающиеся маргинальными, стали у нас таковыми не из-за объективных трудностей производственного процесса (сменность, скользящий выходной, большие физические нагрузки), но из-за сложившихся в них нечеловеческих условий работы: неотопливаемые бытовки, отсутствие душевых помещений и гигиенических комнат, пунктов горячего питания, необорудованные должным образом туалеты. Перечень этот легко можно продолжить.

Спору нет, эти вещи возникли не по инициативе приезжих. Рамочные условия привлечения в Россию иностранной рабочей силы коренным образом отличаются от тех, что имели и имеют место в странах совокупного Запада. Там приток иммигрантов шел/идет в цивилизованную рыночную экономику и гражданское общество, с устоявшейся высокой культурой трудовых отношений и зафиксированными законодательством нормами честной конкуренции и минимальной оплаты труда. Здесь указанный феномен осуществляется в рамках многоукладной экономики и общества переходного типа с иными социальными стандартами. Сам же по себе статус труженика-неформала столь ущербен, что он при всем желании не может порой требовать даже соблюдения техники безопасности, не говоря уж о правах наемного работника. Интервью с информаторами – ремонтниками с Украины, в свое время помогли нам составить картину характерных и повсеместных злоупотреблений при найме неофициального контингента. Все начинается с изъятия в залог паспортов и заканчивается недоплатой под предлогом надуманных претензий к качеству работ. Противостоять произволу невозможно: обращение в правоохранительные структуры для иммигранта перспектива крайне нежелательная. Другими словами, имея под рукой подобного рода кадровый «резерв», готовый жить и работать на положении «крепостных», российская плутократия, по существу дела, *избавлена от необходимости предпринимать меры, чтобы труд на производстве, транспорте или в торговле стал, наконец, привлекательным для граждан своей страны.*

Более того, намечается тенденция распространения нецивилизованных форм трудовых отношений на россиян. Так, все чаще достоянием гласности становятся случаи, когда администрация крупных акционерных (в недавнем прошлом государственных) предприятий, где трудятся в основном граждане России, устанавливает в заводских общежитиях порядки, нарушающие элементарные человеческие права работников. Для них вводят «сухой закон», им запрещают принимать не только гостей, но и родственников и т.п. Против нарушителей таких ограничений применяются как экономические санкции (штрафы), так и физическое воздействие. При этом работодатели-плутократы не скрывают: так относиться к своему персоналу можно, потому что на его место легко набрать мигрантов, причем за меньшие деньги (Измайлов, 2006).

Наконец, есть основания утверждать, что иммиграция становится препятствием вхождения на достойных условиях в рынок труда российской молодежи. Анализ содержания объявлений о приеме на работу, помещенных, например, в газете *Работа для вас*, а также на сайтах *job.ru* и *superjob.ru*, показывает, что все мало-мальски привлекательные предложения содержат непреодолимое для молодого человека ограничение: наличие стажа работы по профессии не менее 4–5 лет. Работник службы занятости СЗАО г. Москвы в частной беседе подтвердил, что даже когда речь идет об обычных «не ажиотажных» профессиях, руководителю предприятия проще и удобнее взять на работу «готового специалиста» из ближнего зарубежья, нежели возиться, «доводя до ума», выпускника профтехучилища, закончившего свое заведение на «отлично». Иными словами, получить хорошее место молодой профессионал может, либо по очень сильной протекции, либо в семейном бизнесе.

Вследствие всего этого порочный круг замыкается: пока будет происходить «подпитка» трудовых ресурсов за счет иммиграции, предприниматели постсоветской генерации никогда не начнут технико-социальную модернизацию производства, которая только одна и может изменить условия труда и уровень его оплаты в лучшую сторону. Таким образом, неформальная занятость способствует ухудшению социальных стандартов в сфере занятости, нарушает честную конкуренцию и принцип равных возможностей при трудоустройстве, внедряя и укрепляя в России систему «нечестной трудовой практики» (*unfair labor practice*), запрещенную во всех цивилизованных странах и осуждаемую Международной организацией труда (МОТ).

«Железный занавес», «открытые двери», миграционные квоты?

Все это делает и без того недостаточно цивилизованную культуру трудовых отношений еще менее приемлемой для россиян. Вытекающее отсюда ощущение несправедливости и неприкаянности в собственной стране, накладываясь на естественную настороженность в отношении закрытых для посторонних сообществ приезжих, легко трансформируется в ксенофобию, успешно эксплуатируемую политическими силами радикально-националистического и неонацистского толка. На возможность дальнейшего развития подобной тенденции указывает не только «книжный» для нас зарубежный, но и свой собственный опыт. Социологи давно уже фиксируют нарастание шовинистических настроений и крайнюю «толерантность» к ним во всех слоях российского общества (Паин, 2005: 150–151). Естественно, ответственность за взаимную отчужденность иммигрантов и принимающего населения несут обе стороны (ср.: Хизриева, 2001: 89; Стельмах, 2001: 30–34), однако не полностью законный статус пребывания приезжих в России делает весьма уязвимыми самые справедливые аргументы против нетерпимости к ним.

Описанные вещи указывают на необходимость исправления положения дел с иммиграцией, в нынешнем своем виде малопродуктивной и малоперспективной для нашей страны экономически, демографически, социально и культурно. В таком контексте в последние годы стала практически нормой апелляция к государ-

ству, которое может решать подобную проблему как за счет внутренних (стимулирование рождаемости; организация перетока экономически активного населения из трудоизбыточных регионов в трудодефицитные), так и внешних ресурсов (поощрение иммиграции; временное/сезонное привлечение иностранной рабочей силы), равно как и их комбинации. Однако россиянам, прежде чем требовать от властей принять тот или иной комплекс мер, необходимо прийти по иммиграционным вопросам к какой-то согласованной позиции.

Казалось бы, ситуация тут предельно ясна: исследования ВЦИОМ показывают, что всего 15% граждан РФ относятся к мигрантам более-менее положительно, а 68% – полностью и скорее отрицательно. Точку зрения, что иммиграция – «это в целом хорошо для развития российской экономики», разделяет только 20% населения, тогда как 70% придерживаются противоположного мнения; еще меньшее количество респондентов – 17% – считают, что приезжие обогащают Россию культурологически, делая ее более открытой новым идеям, веяниям и т.п. (*Вестник*, 2003: 43; ВЦИОМ, 2005а). Данные по Москве – крупнейшему региону-реципиенту, показывают еще большую остроту проблемы: рядовые жители столичной агломерации весьма жестко формулируют свои претензии к практике использования труда нерезидентов (как минимум, в ее нынешнем виде), и подавляющее их большинство выступает исключительно за «репрессивные» методы корректирования сложившейся ситуации (см. Таблицу 3).

Таблица 3: Отношение москвичей к неформальной занятости нерезидентов (%)

Утверждения	Да, безоговорочно	Да, с оговорками	Нет	Не определилось, безразлично
Использование иностранной рабочей силы негативно влияет на занятость москвичей	17,5	46,1	9,3	27,1
Необходимо ужесточить законы с целью пресечения миграции в Россию выходцев из республик СНГ, стран Юга и Востока	44	26	20	10

Источник: ВЦИОМ, 2004; Управление федеральной государственной службы занятости по Москве, 2005

Однако даже если считать, что по данному пункту граждане России пришли к полному консенсусу, игнорировать мнение меньшинства недальновидно. Как можно было заметить, любые вопросы, касающиеся иммиграционных перемещений, не имеют однозначной трактовки, напротив, оценка их практически всегда диаметрально противоположна. Так что россиянам по прошествии двадцати лет после начала демократических реформ еще предстоит занять рациональную позицию относительно приезжих-иностранцев. Антитеза здесь не столь проста, как может показаться: иммигранты в сложный переходный период помогали

решить вопрос обеспечения ряда отраслей российской экономики человеческими ресурсами, эта помощь в известной мере необходима и теперь, но платить за нее приходится серьезными социально-экономическими и социально-культурными издержками.

При этом следует иметь в виду, что присутствие в нашей стране работников-иммигрантов было обусловленное не только и не столько экономико-демографической, как в странах ЕС ситуацией, сколько доминированию среди российского политического истеблишмента вульгарно трактуемых, некритически проецируемых на нашу страну монетарных доктрин. Что выражалось, в частности, в откровенном нежелании плутократического режима вкладывать средства в развитие человеческого капитала России, ее инфраструктуры, словом, туда, откуда невозможно быстро извлечь прибыль. Такого рода подходы не благоприятствовали оптимальному использованию собственных людских резервов. Скажем, активизация внутренних миграционных потоков для стабилизации занятости в Нечерноземье, не говоря уже о районах Дальнего Востока, требовала предварительных вложений. Поэтому власти России, по свидетельству бывшего министра по делам Федерации, национальной и миграционной политики А. Блохина, по сути, по умолчанию сделали упор на более экономном, по их оценкам, способе – «восполнению нехватки рабочей силы иммигрантами» (*Время МН*, 2001, 16 февраля).

Пути решения обозначенной антитезы – материя крайне деликатная, тем более что действия в сложившейся ситуации ограничены рамками трех основных подходов, каждый из которых предполагает свой особый набор средств:

- «рестрикционный» – закрытие границ, усиление их охраны с привлечением добровольцев (например, казаков), депортацию иммигрантов, ужесточение наказаний за нелегальную иммиграцию и ее активное (контрабандная переправка мигрантов) или латентное (незаконный найм) поощрение и т.д.;
- «ультралиберальный» – облегчение правил пересечения границы, иммиграционная амнистия, максимальное снятие ограничений на работу иностранцев, предоставление им права участия в муниципальных выборах и пр.;
- «рационально-прагматичный» – упорядочение визового режима, введение системы иммиграционных квот, реадмиссия, проведение информационных кампаний о законном въезде и перспективах легального трудоустройства в России и т.п.

Рассмотрим поочередно каждый из них. Сразу же отметим, что с учетом сложившихся реальностей первый подход – малопродуктивен. И дело тут не в том, как утверждают некоторые эксперты, что «если мигранты уедут, Москва встанет» (Мукомель, 2005). В рыночной открытой экономике подобные вещи невозможны, ибо – вблизи столицы немало регионов, жители которых охотно будут в ней работать, если условия труда станут человеческими. Скорее нужно принимать во внимание более отдаленные последствия и в сфере экономики (схема «железный занавес – автаркия» в перспективе может привести к социально-экономическому регрессу) и политики (негативный международный резонанс от любых подобных решений). Необходимо также посчитать и возможный внутриполитический резонанс осуществления подобной практики. Ее апологетам сле-

дует, как минимум, откровенно объяснить обществу, по каким азимутам стоит за-
пирать границы на замок – восточному, южному, западному или всем, и, самое
главное, предоставить гарантии, что тотальные ограничения на въезд в страну не-
резидентов не обернутся нарушением конституционного права граждан России
на свободное передвижение по всему миру.

Вместе с тем, нельзя пренебрегать тревогой и настороженным отношением
многочисленных слоев нашего общества к миграционным изменениям. Они – не
только фантом, обывательские заблуждения или форма компенсационного пове-
дения, как это иногда принято упрощенно толковать (Целмс, 2004: 29). Нефор-
мальная, а потому слабо контролируемая миграция, вполне реально нарушает
внутреннюю целостность социума, снижает необходимый для его устойчивого раз-
вития уровень интегрированности. Эксперты ООН не случайно утверждают: если
количество «пришлых в стране начнет превышать более 10% от коренного насе-
ления, то государство начинает терять управляемость и закономерно разваливает-
ся» (Федоров, 2002). Поэтому высказанная нами критика в адрес рестрикцион-
ного подхода к перемещениям из-за рубежа не ставит под сомнение необходи-
мость более жестких технических и процедурных мер по упорядочению мигра-
ционных потоков: укреплению тех участков государственной границы, которые
наиболее привлекательны для нелегалов; развертыванию отсутствующей ныне
системы миграционного контроля на железнодорожном транспорте; усилению санк-
ций за незаконное использование иностранной рабочей силы, против фальши-
вых рекрутинговых агентств и т.д.

Рисунок 2: Объявления об аренде жилья в ряде регионов России с антииммигрантскими пометами

Тем более, в условиях миграционного давления население России от Юж-
ного Урала до Нижнего Поволжья начинает стихийно применять «экономические

санкции» к приезжим. Как свидетельствуют исследования рынка аренды жилья, поведенного московским социологом Э. Паиным, несмотря на неблагополучие социального положения большинства россиян, соображения финансовой выгоды здесь явно отходят на второй план. Изучив свыше 8,2 тысяч бесплатных объявлений в газетах *Из рук в руки* и *Все для всех*, он обнаружил следующее. В каждом десятом предложении о сдаче квартиры и в каждом шестом о ее съеме присутствовали антииммигрантские пометки типа «только русским», «только русской семье» и т.п. (результаты этих расчетов представлены в Рисунке 2) (Паин, 2003: 124–125). И как нам кажется, такие вещи – видимая часть айсберга: опыт показывает, что многие люди в подобной ситуации предпочитают печатным ограничениям *face control*. В конечном же счете это – дополнительный сигнал о необходимости упорядочения миграций на государственном уровне. Неразумно ждать до того времени, когда сугубо экономическое противодействие населения страны наплыву нерезидентов трансформируется в какие-либо насильственные акции!

Теперь поговорим о втором походе. Применительно к существующей ситуации он не менее абсурден, чем первый. Можно ли всерьез воспринимать доводы, наподобие, следующих: дозируя приток приезжих, «мы потеряем даже... азербайджанцев, торгующих на рынках», которые «все больше едут в Турцию и на Кипр, так как... там легализоваться очень легко»; что в отличие от нашей страны «Голландия (?! – авт.) дает им статус беженца» (Зайончковская, 2001: 6)? В отношении аналогичных аргументов было бы достаточно одного возражения. Защита рынка труда от конкуренции извне, со стороны иммигрантов из менее благополучных стран – столь же важный атрибут гражданского общества, как сеть местного самоуправления или разветвленная судебная система, тогда как полное уравнивание в правах резидентов и нерезидентов или предоставление последним каких-то преференций – нонсенс, напоминающий разве что феодальное право. Так что призывы к запредельной либерализации иммиграционной политики и необходимости соответствующей обработки общественного мнения «несознательных» россиян (Тишков, 2003) представляются неуместными.

Укажем также, насколько осторожно стоит подходить к таким приемам, как, например, иммиграционной амнистии. Эксперимент такого типа был проведен ФМС осенью 2005 г. в Москве и некоторых других городах. Суть его свелась к тому, что правила регистрации нерезидентов были умягчены до предела: разрешения на работу они получали *in situ*: на стройках, в автопарках и даже на базарах. По оценке заместителя главы ФМС В. Поставина, миграционная амнистия вывела «из тени» за два с небольшим месяца 7,5 тыс чел., а казна получила 350 млн. руб. в виде госпошлин и налогов. Нисколько не отрицая усердия и заслуг сотрудников ФМС по сбору «недоимок», отметим все же: до приведения российского законодательства о труде в соответствие с критериями МОТ *вопрос о легализации теневой занятости нерезидентов не может ставиться вообще, если мы не хотим законсервировать нынешнюю социально опасную ситуацию.*

Вдобавок, стоит учитывать возможные этнокультурные последствия такого рода действий, отслеживаемые на опыте других стран. Так, в США эта мера, в одночасье превращающая нелегальных иммигрантов в экономических, зареко-

мендовала себя положительно в отношении выходцев из соседних Латиноамериканских государств: люди, давно обосновавшиеся в стране, адаптировавшиеся к ее социальной среде получили соответствующий правовой статус. Но, скажем, во Франции аналогичная практика в отношении выходцев из стран Магриба не была столь успешной, поскольку не привела к главному – преодолению дистанции между этими общинами и доминирующим социумом. В результате осенью 2005 г. эта страна столкнулась с городской геррильей. Так что преподнести миграционную амнистию как некую универсальную, новую, эффективную форму борьбы с незаконной миграцией (Тимофеева, 2006), как минимум, преждевременно. Иными словами, политика по отношению к иммиграции должна быть, как минимум, сбалансированной: адаптация новопоселенцев и их интеграция в принимающее общество требует разумной жесткости регламентирования миграционных перемещений извне. В противном случае мы рискуем получить, прежде всего, в крупных городах, инонациональные общины, живущие по своим, а не по общероссийским законам, но претендующие на привилегии российского гражданства.

Сказанное выше говорит в пользу третьего из выделенных нами подходов – рационально-прагматического корректирования явных издержек иммиграции постсоветского времени. Произойди в нашей стране укоренение принципов социального законодательства (включая ту его часть, что относится к трудовой практике), аналогичного принятому во всех развитых странах, освоение пространства рыночной экономики более широкими слоями основного населения России пошло бы куда быстрее, а ниша, в настоящий момент занятая нерезидентами сузилась бы до естественного минимума. Однако нынешние тенденции развития российского общества, задаваемые политикой администрации В. Путина, приобрели обратную направленность. Так что, скорее всего, рассмотренные нами проблемы неформальной занятости и полуправового сектора, не потеряют актуальность.

Коль скоро прекращение в одночасье экспорта рабочей силы нереально, требуется совершенствование условий привлечения новых иммигрантов. Увы, постсоветский опыт в этой сфере выработал у большинства населения ярко выраженное отторжение приезжих. Такую позицию нельзя считать полностью справедливой, но это не значит, что федеральные власти могут ей по обыкновению пренебречь. Неприятие и настороженность принимающего общества в отношении иммигрантов из того же СНГ может свести на нет их дополнительные адаптационные возможности, восходящие к совместному проживанию в СССР.

В этой связи необходимо без ложной политкорректности подумать о целесообразности применения у нас натурализационной модели иммиграционной политики (постепенное получение приезжими всей полноты гражданских прав) по аналогии с государствами Нового Света, Великобританией и Францией. Вероятно, в настоящее время нашей стране больше подойдет ротационная модель, практикуемая Швейцарией, а до вступления в ЕС и Австрией. Суть ее в четком квотировании потока трудовых мигрантов в зависимости от уровня их профессиональной подготовки; потребности в ней российской экономики; согласия работать в регионе, оговоренном в контракте; строгой регламентации сроков пребывания нерезидентов у нас в стране. Определенные преференции должны предос-

тавляться людям, близким в культурно-языковом отношении основному населению России. К слову, социологические исследования показывают, что 69% россиян, обвиняемых экспертами во всех «смертных грехах», считают необходимым поддерживать въезд в нашу страну русскоязычного населения, а 57% – открыть к нам дорогу молодым и образованным гражданам сопредельных государств (ВЦИОМ, 2005а).

Квотирование трудовой миграции не может препятствовать гуманитарным контактам людей: приему беженцев, воссоединению семей, репатриации бывших граждан РСФСР, часто не по своей воле оказавшихся в ближнем зарубежье и т.п. Но оно позволяет регулировать численность нерезидентов в зависимости от возможностей принимающего общества и готовности его членов чем-то поступаться во имя более значимых социальных целей. Наконец, квотная система дает реальные возможности наведения цивилизованного порядка в сфере занятости. Невозможность вброса на рынок труда дополнительных контингентов извне заставит недобросовестных предпринимателей использовать наличные ресурсы – человеческий и интеллектуальный потенциал своих сограждан, а не отдавать предпочтение готовым практически на все иммигрантам. На этой основе можно будет модернизировать правила, регулирующие участие иностранцев в экономической жизни страны, так чтобы оно происходило без ущерба для ее основного населения. Такого рода регуляции должны охватывать и торговую деятельность приезжих, и их занятость по найму.

В первом случае необходимо не только предусмотреть механизмы пресечения лазеек для уклонения от уплаты налогов и несанкционированного вывоза капиталов за пределы РФ. Важно продумать и более четкие правила лицензирования, аренды торговых мест и т.п., вменяющие иностранцам в обязанность соблюдать все, без исключения, требования к санитарии, контролю над качеством товаров/услуг и по поддержанию общественного порядка. Во втором случае жесткому контролю должны подлежать лицензирование экспорта рабочей силы; условия ее найма и использования (охрана труда, включая проживание работников-иностранцев); обязательное возвращение на родину по истечении срока контрактов и т.п. Категорически недопустима «этнизация» инофирм и иные существующие проявления «нечестной трудовой практики». Более того, всем иностранным производителям, работающим у нас, необходимо вменить в обязанность соответствующую подготовку и обучение местных кадров – в настоящее время это практикуют только крупные концерны типа «Мерлони», «Найк» или «Эрман».

Осуществлять аналогичные меры надо уже сейчас, не дожидаясь изменения экономической конъюнктуры и пресловутого удвоения ВВП, тем более что, как показывает зарубежный опыт, при любой ее динамике может нарастать социальная напряженность и тем более – межэтнические трения. Для нашей страны последнее – особый фактор риска, ибо исторически гетерогенная этничность и этническая подоплека всего и вся играла и играет в России явно преувеличенную роль. Истинные и мнимые социальные обиды основной части населения будут легко перенесены на некий понятный объект – иммигрантов, относящихся к другой «национальности».

В заключение отметим, что рассмотренная система гибкого, прагматического регулирования иммиграционной политики потребует упорядочения визовой практики, точнее, введения различных категорий виз (гостевая, туристическая, для получения образования, с правом трудоустройства, для переезда на ПМЖ и т.д.) и проработки процедуры реадмиссии. Это, в принципе, технические вещи, но их отсутствие выступает важным препятствием вхождения России в Европу без границ.

ЛИТЕРАТУРА

- Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии* (2003). № 1 (67).
- ВИШНЕВСКИЙ, А. Г. (2001). *Население России. 2000. Восьмой ежегодный демографический доклад*. Москва: ИМП РАН.
- ВОЛОШИНА, В. (2003). «Дама, не злите их, а то вообще закроют», *Известия*, 25 февраля.
- ВЦИОМ. *Пресс-выпуск № 132. Россияне и «инородцы»: толерантность или ксенофобия?* (2004), 16 ноября (www.wciom.ru).
- ВЦИОМ. *Пресс-выпуск № 211. Отношение к иммигрантам: практика России и Европы* (2005а), 19 мая (www.wciom.ru).
- ВЦИОМ. *Пресс-выпуск № 349. Иммигранты и беспорядки: французские уроки для Москвы* (2005б), 1 декабря (www.wciom.ru).
- ГАЙДАР, Е. Т. (2005). *Долгое время: Россия в мире. Очерки экономических реформ*. Москва: Дело.
- ГЛИКИН, М. (2002а). «Нерешенный вопрос о государственной политике в миграционной сфере», *Независимая газета*, 16 августа.
- ГЛИКИН, М. (2002б). «Миллионам иммигрантов откажут в праве на труд», *Независимая газета*, 19 декабря.
- Гражданства России на всех не хватит. Паспортов тоже* (2002). www.htb.ru (15.08.).
- ГРАФОВА, Л. (2006). «Защитить мигрантов – спасти Россию», *Известия*, 31 марта.
- ГРАНИНА, Н. (2005). «За пособничество нелегальным иностранцам будут сажать в тюрьму», *Известия*, 2 февраля.
- ДЯТЛОВА, Е. (2001). «Брачные связи мигрантских меньшинств Иркутска в 1989–1998 годах (китайцы, выходцы с Северного Кавказа, из Закавказья и Центральной Азии)», *Вестник Евразии. Независимый научный журнал*, № 1 (12).
- ЗАЙОНЧКОВСКАЯ, Ж. (2001). «Богатство России иммигрантами прирастать будет», *Сегодня*, 28 марта.
- ЗАЙОНЧКОВСКАЯ, Ж. (2002). «Дальний Восток будут заселять китайцы», *Известия*, 9 декабря.
- ЗАЙОНЧКОВСКАЯ, Ж. (2003). «Нормальной миграции люди не замечают», *Известия*, 13 февраля.
- ИЗМАЙЛОВ, В. (2006). «Теперь и в Подмоскowie появился свой ‘Благовещенск’», *Новая газета*, 6–8 февраля.
- ИЛЬИЧЕВ, Г. (2003). «Чертовски хочется работать», *Известия*, 30 января.
- КАЛАЧИНСКИЙ, А. (2004). «Идейное браконьерство», *Русский курьер*, 17 декабря.

- КИРИЛЛОВА, Е. (1998). «Украинские трудовые мигранты в России», в: *Миграция и рынки труда в постсоветской России*. Москва.
- КОРНЯ, А. (2002). «Полумиллионный ресурс», *Время МН*, 13 ноября.
- ЛУНДЕСТАД, Г. (2002). *Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. 1945–1996*. Москва: Academia.
- МАЛЬКОВА, В. (2001). «Толерантность или конфликт? К вопросу об освещении этничности в московской прессе», в: *Конфликт – диалог – согласие. Бюллетень № 6 (Этнокультурная ситуация и проблемы диаспор в мегаполисе: опыт Москвы)*. Миграция населения. Выпуск III (2001). Москва.
- МОИСЕЕНКО, В., ПЕРЕВЕДРЕНЦЕВ, В. и ВОРОНИНА, Н. (1999). *Московский регион: миграции и миграционная политика (Рабочие материалы Московского центра Карнеги, № 3)*. Москва: Московский Центр Карнеги.
- МУКОМЕЛЬ, В. (2005). «Если мигранты уедет, Москва встанет», *Известия*, 24 июня.
- НАРЫШКИНА, А. (2003). «Нашли конкурента. Гастарбайтеры выгодны России», *Известия*, 6 марта.
- Открытый форум МОМ. Информационная серия. Незаконная миграция в России*. Выпуск I (2001). Москва.
- ПАИН, Э. А. (2003). «Этнополитический маятник: цикличность этнополитических процессов в постсоветской России», *Общественные науки и современность*, № 5.
- ПАИН, Э. А. (2005). «Изддержки российской модернизации: этнополитический аспект», *Общественные науки и современность*, № 1.
- PARK, William и REES, G. Wynn (ред.) (1998). *Rethinking security in Post-Cold War Europe*. Longman: London – New York.
- ПЕРЕПЕЛКИН, Л. С. и СТЕЛЬМАХ, В. Г. (2003). «Этнокультурная безопасность России: общественные вызовы и государственная политика», *Общественные науки и современность*, № 3.
- ПОТЕМКИН, Ю. В. (2002). «Эмиграция в Западную Европу: уроки для России», *Восток. Афро-азиатские сообщества: история и современность*, № 2.
- Регионы России. Федеральная служба государственной статистики. Социально-экономические показатели, 2004 г.* (2005). Москва: Госкомстат.
- САВЕЛЬБЕВ, А. (2005). «Мы хотим напомнить, кто в доме хозяин», *Известия*, 30 сентября.
- САТАРОВ, Г. А. (2002). «Тепло душевных отношений: кое что о коррупции», *Общественные науки и современность*, № 6.
- СИНЯВСКАЯ, О. В. (2005). *Неформальная занятость в современной России: изменение, масштабы, динамика*. Москва.
- СТАРЧЕНКОВ, Г. И. (1997). *Трудовые миграции между Востоком и Западом. Вторая половина XX столетия*. Москва: ИВ РАН.
- СТЕЛЬМАХ, В. Г. (2001). «‘Этническая’ занятость и этническая конфликтность: московские реалии», в: *Конфликт – диалог – согласие. Бюллетень № 7 (Этнокультурные аспекты занятости: опыт Российской Федерации)*.
- ТИМОФЕЕВА, О. (2006). «Незаконных мигрантов ждет новая амнистия», *Известия*, 27 января.
- ТИТОВ, В. Н. (2003). «Межкультурная коммуникация как фактор адаптации иммигрантов к городской среде», *Общественные науки и современность*, № 6.

- ТИШКОВ, В. А. (2003). «России надо смягчать иммиграционную политику», *Известия*, 4 июля.
- ТИШКОВ, В. А. (2005). «О состоянии и перспективах миграционной политики РФ», *Интервью сетевому изданию «Кремль.org»*, www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration (21 марта).
- УСТЮГОВ, Б. (2002). «Московских нелегалов депортируют на родину», *Известия*, 17 сентября.
- ФЕДОРОВ, Л. (2002). «Почему Москву обживают мигранты?», *Московская правда*, 20 сентября.
- ХИЗРИЕВА, Г. А. (2001). «Адаптация новых мигрантов в мегаполисе: проблемы институализации», в: *Конфликт – диалог – согласие. Бюллетень № 6 (Этнокультурная ситуация и проблемы диаспор в мегаполисе: опыт Москвы)*.
- ЦЕЛМС, Г. (2004). «Я ненавижу – значит, я существую», *Русский курьер*, 17 декабря.
- ЧЕРНОВ, Д. (2002). «Мигранты крадут у России миллиарды», *Время МН*, 10 декабря.
- ШИШКОВ, Ю. В. (2003). «Демографические перспективы мирового сообщества», в: *Труды Клуба ученых «Глобальный мир»*. Т. 2. Москва.

Lev Perepelkin, Vladislav Steljmah

ISTRAŽIVANJE NEFORMALNE RADNE MIGRACIJE: RUSKA REALNOST

SAŽETAK

Na suvremeno rusko društvo utječe »neformalna zaposlenost nerezidenata« – redovita proizvodna djelatnost koja se odvija izvan pravnih okvira određenih ruskim zakonima koji se odnose na rad stranaca. Ta pojava u Rusiji specifična je po tome što u zemlju pristižu milijuni državljana zemalja ZND-a, u radnoj dobi, koji su posve zakonito ušli u Rusku Federaciju, ali s namjerom da rade neformalno, u sivim ili poluzakonitim gospodarskim sektorima. Članak pokušava dati pouzdanu ocjenu te pojave. S jedne se strane pokazalo da je u ranim devedesetima pojava velikih skupina ekonomski aktivnih stranaca, koji su po dolasku angažirani za neprestizhne poslove (graditeljstvo, cestogradnja, malo-prodaja i slično) omogućila da se riješi problem deficita mnogih usluga i da se zadovolje potrebe za osnovnim proizvodima. Međutim, s druge strane, negativni odraz zaposlenosti na crno znatno je nadmašio konjunkturne prednosti od korištenja gastarbajterskoga rada u postsovjetskome prostoru. Trajno potkopavanje tržišta rada tim kontingentima uvjetovalo je i uvjetuje ne samo degradaciju radnih odnosa u Rusiji nego i eroziju društvenoga morala: devalvaciju pozitivnih vrijednosti, prevladavanje ciničnog pragmatizma u ruskih ljudi i pravni nihilizam.

KLJUČNE RIJEČI: Rusija, radna migracija, rad na crno, nečasna radna praksa, degradacija tržišta radne snage, migracijska politika

Lev Perepelkin, Vladislav Stelmakh

RESEARCHING INFORMAL LABOUR MIGRATION: RUSSIAN REALITIES

SUMMARY

Modern Russian society is affected by “non-resident informal employment”: a regular productive activity that is not firmly and officially registered in accordance with Russian foreign labour regulations. A specific characteristic of this phenomenon in Russia is that the multimillion flow of CIS working age citizens enters Russia absolutely legally, but with the intention of working in the so-called shadow or semi-legal economy. The authors’ main aim is to present a complex and balanced evaluation of the situation. On one hand they argue that this labour migration was of some use to Russia, i.e. in the early 1990’s large groups of “informal” foreign workers filled an economic niche, unpopular among local labour force (construction and repair, small sized retail trade etc.) and thus enabled to solve the deficit in many services and satisfy needs for basic products. On the other hand, a negative reflection of such shadow employment exceeded all of its conjuncture benefits from post-soviet “gastarbeiter” labour. The permanency of these migration contingents undermines the Russian labour market, not only from the point of wages and working conditions. It provides and maintains not only unfair labour practices, but also the deterioration of common morals and ethics: the devaluation of positive values, the predominance of cynic pragmatism in Russian people and legislative nihilism.

KEY WORDS: The Russian Federation, labour migration, shadow (semi-legal) economy, unfair labour practice, labour market deterioration, migration policy